

О. В. Орлова

РУССКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР: «БАКИНСКИЕ СТИХИ» С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО В ФОКУСЕ КОНЦЕПТА НЕФТЬ

Выдвигается концепция Бакинского текста как феномена русской лингвокультуры на перекрестке культур, сформированного, в том числе эстетическим осмыслением образа нефти. На материале «бакинских стихов» С. Есенина и В. Маяковского доказывается, что социальная парадигма воплощения концепта нефть в бакинском тексте развивается в сторону тех или иных форм новой религиозности и утверждения абсолютной человеческой воли. Во многом развитие данной линии интерпретации концепта в русском поэтическом дискурсе в целом обусловлено уникальными социально-историческими обстоятельствами, в которых формировался бакинский культурный топос в первой половине XX в.

Ключевые слова: русская лингвокультура на перекрестке культур, Бакинский текст, концепт нефть.

В истории русской литературы есть пример истине уникальной социокультурной и лингвокультурной ситуации, в которой нефть стала не только причиной интенсивного экономического, а следовательно, и социокультурного подъема определенной территории, но и объяснимого исключительной комбинацией сложившихся объективных и субъективных обстоятельств факта формирования совершенно своеобразного Бакинского текста русской литературы.

Вопросы исследования «городского текста» были поставлены в трудах представителей отечественной семиотической школы В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана и др., впервые введших в научный оборот понятие Петербургского текста [1, 2]. «Петербургский текст предстал в их трудах гипертекстом, обладающим следующими чертами: всеобъемностью, гетерогенностью и сложноустроенностью, антиномичностью, пространственной зафиксированностью, он, вступая во взаимосвязи, должен породить новые тексты культуры» [3, с. 63–64].

В последнее время пристальное внимание филологов сосредоточено на феномене так называемого локального текста в историко-литературном и мифопоэтическом аспектах [4–6]. Активно исследуются столичные и провинциальные (Вятский, Пермский, Шадринский и многие другие) тексты как «определенная осмысленная топонимическая данность» [5].

Еще более культурно специфичный феномен представляет собой текст русского фронта – территорий российского порубежья, когда-то входивших в состав Российской империи и Советского Союза и ставших «зонами интенсивных культурных контактов» [7, с. 109]. Однако из значимых в историко-литературном отношении сверткостов русского фронта основательную разработку получил только Крымский [8, 9] и начал успешно исследоваться Кавказский [10].

Что касается Бакинского текста, то о его бесспорном феноменологическом наличии в русскоязычной литературной традиции свидетельствует

выход в 2005 г. отдельного сборника стихотворений русских поэтов XIX–XX столетий, посвященных Баку, «Если ты Баку не видел...». Комментарии и небольшую вступительную статью к сборнику написал профессор Агиль Гаджиев. Исследователь отмечает: «Бакинские стихотворения русских поэтов охватывают важнейшие этапы истории Баку и могут быть сгруппированы по тематическим компонентам. Так, отдельный цикл составляют стихотворные посвящения участникам советизации Азербайджана. Цикл этот в свое время неоднократно анализировался в нашей науке о литературе... Другую группу стихотворных посвящений составляют произведения о трудовом подвиге Баку... И, наконец, отдельный цикл составляют произведения, воспевающие сегодняшнюю явь Баку, города мощной индустрии и удивительной, своеобразной красоты» [11]. Однако ни как феномен фронтального текста, ни в фокусе ключевых межтекстовых концептов, в ряду которых доминирует *нефть* (в указанном поэтическом сборнике, включающем около 80 поэтических текстов, частотность лексемы *нефть* и ее дериватов беспрецедентна – 122 единицы!), Бакинский текст не изучался.

В последние десятилетия XIX в. «развитие нефтяных промыслов в его окрестностях, множество нефтяных перегонных заводов в городе, развитие паромства на Каспии, центром которого сделался Баку, и постройка железной дороги до Черного моря изменили Баку до неузнаваемости» (см. материалы сайта-энциклопедии «Наш Баку». URL: <http://www.ourbaku.com>). Ни один город России не развивался так быстро: «Ни один населенный пункт России по темпам и своеобразию роста не мог тягаться с этим малозаметным в прошлом городком. Обладавший богатейшими нефтяными ресурсами, в разработку которых вкладывались огромные капиталы отечественных и иностранных фирм, Баку находился в то время в состоянии большого экономического подъема» [12, с. 7]. В данном замечании специалиста по истории архитектуры важно подчеркнуть отмеченное автором не только

количественное, но и качественное (*по темпам и своеобразию роста*) преобразование города, в случае Баку ставшее в историко-литературном смысле в пореволюционный и послереволюционный период настоящим преосуществлением.

Как писал в 1918 г. английский журнал «Near East», «Баку – это величайший нефтяной центр мира. Если королева – нефть, то Баку – ее трон» (цит. по: [13, с. 24]). Нефть становится причиной и стимулом не только экономического, но и культурного процветания, позволившего данной фронтальной территории, как Крыму, на многие годы стать местом «переплетения множества мощных историко-культурных парадигм». По словам Чингиза Гусейнова, писателя, профессора МГУ, «Баку – особый, ни на что не похожий сплав. Баку был городом нефти, питал ею всю Россию, а потом и СССР. Потому и сформировалось такое мощное, необычное явление» [14].

В результате образуется уникальный фронтальный локус, в котором отмеченные разнообразными по времени возникновению, мировидческой, эстетической, этнической и религиозной направленности культурные потоки, создав неповторимое духовное и антропологическое единство, вступили в резонанс с социально-географически-экономико-политическим фактором нефти. «Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации» [2, с. 282], и, безусловно, в случае Бакинского текста таким «стыковочным» кодом, цементирующим пространство вербально выраженной эстетической рефлексии о Баку, является образ нефти.

Если в общем контексте поэзии Серебряного века нефтяная тематика, в целом периферийная в общей содержательной топике литературы данного периода, в основном служит реализации идей технолатрии и технического утопизма, то в рамках Бакинского текста, в котором образ нефти обретает мощное солирующее звучание, данный концепт получает более разнообразные и глубокие семантические аранжировки (об иных дискурсивных обликах концепта *нефть*, например, в региональной сибирской прессе см.: [15]).

В уникальном средосплетении Бакинского текста, синтезировавшего революционные эстетическо-философские искания, геологические мифологические рефлексии и космогонические интуиции, образ нефти в творчестве мастеров поэтического слова стимулирует появление новой парарелигиозной концепции индустриального покорения новым человеком нефти как покорения мироздания.

Неповторимые грани данная концепция обретает в «бакинских стихах» двух вершинных поэтов пореволюционной поры – С. Есенина и В. Маяковского. У обоих стихотворцев наличествует вульгарно-материалистическое, сугубо идеологическое толкование нефти как источника экономической мощи и военной силы молодого Советского государства. Мы здесь имеем в виду «1 мая!» 1925 г. С. Есенина и «Баку» 1927 г. В. Маяковского.

П. И. Чагин вспоминает: «Одним из самых примечательных дней в бакинский период жизни Сергея Есенина был день 1 мая 1925 года. Первой темой того года мы решили провести необычно. Вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвященные закладке новых рабочих поселков, а затем – рабочие, народные гулянья... Он уже с полгода как жил в Баку. Часто выезжал на нефтепромыслы, в стихию которых, говоря его словами, мы его посвящали. Много беседовал с рабочими, которые знали и любили поэта» [16, с. 162]. Впечатления от празднования поэт отразил в стихотворении, представляющем собой стилизацию под развернутый кавказский тост. Бокалы поднимаются отдельно в каждом четверостишии-госте *за Совнарком, за рабочих, за крестьян*, но предваряет эти тосты общая установка: *Мы пили за здоровье нефти*. Кроме типичного по отношению к нефти тропеического переноса – олицетворения в данной строке мы видим предписанный речевым этикетом обязательный компонент поздравительного тоста – пожелание здоровья. Пожелание персонифицированной сырьевой субстанции здоровья, под которым подразумевается, видимо, ее количество и качество, а также доступность для добычи, не только возводит нефть в ранг высоких социальных, а главное – нравственных ценностей, но и предлагает ее в качестве залога и фундамента благополучного будущего рабочих и крестьян в обновленной Советской стране.

Средоточием военной и экономической мощи, символом мировой классовой борьбы и глобального геополитического противостояния выступает нефть в стихотворении В. Маяковского 1927 г. Первая часть произведения построена на контрасте внешне непривлекательного (с точки зрения и природного и культурного ландшафта) пролетарского Баку (*На лужах и грязи, / берег покрывшей, / в труде копошится / Баку плоскокрыший*), единственное сомнительное достоинство которого – нефтяное изобилие (*Стои / и нефть таскай из песка – / тоска!*), и красот буржуазной картинки – *Сицилии, где сицилийки, финики, пальмы*. Однако Детердинг – английский нефтяной магнат, ведущий борьбу против советской власти, предпочитает красота Сицилии нефтяной Баку: – *На кой они хрен мне, / финики эти?! / Нефти хочу! / Нефти!!!*

Вторая часть стихотворения посвящена ответу на вопрос: *Это что ж за такая за нефть?* Далее со свойственными поэтике Маяковского назидательно-дидактическом пафосом, иллюстративной наглядностью и доказательностью описываются преимущества нефтяного топлива в военно-морском деле: *те, / кто на нефти, / с эскадрой придут / к вражьему берегу / вдвое скорей; Уголь / чертит опасности имя... / Нефть – это значит: тих и бездымен.* Рисуется фантазмагорические картины будущих технических свершений: *танки попрут на бензине; аэрокрылья расставив врозь.* Однако постепенно от сугубо военно-технологических достоинств художник переходит к социально-политическим, обобщая: *Нефть – / это значит: / владыка нефти – / владелец морей / и держатель власти.*

Так впервые в русской поэзии утверждается тождество, под знаком которого пройдет вся новейшая история. Обрамляющие типичную для Маяковского короткую «рубленную» строфу «сильные» лексемы представляют символическое и ассоциативно-семантическое сопряжение *нефти* и *власти* через обыгрывание, в том числе с помощью паронимии (*владыка – владелец – власть*), различных степеней и обертонов семантики обладания властью. Тот, кто владеет нефтью, обладает большими властными полномочиями, нежели тот, кто владеет морями и властью как таковой.

Стимулируемая уникальной социокультурной ситуацией Баку 1920-х социальная теология нефти получает мощное развитие в других «бакинских произведениях» Есенина («Стансы») и Маяковского («Баку» 1923 г.). При всей демонстративной разнице субъективного эстетического восприятия Баку как локуса и топоса (для Есенина это почти желанная Персия, он пишет здесь свои блистательные «Персидские мотивы», создает ностальгическое «Прощай, Баку! Тебя я не увижу», для Маяковского же это город *песка, пожаров, плосковерхих крыш, где никто не селится для веселья*) нефть как основа новой религиозности, религиозности социального и материалистического толка, фигурирует в произведениях обоих художников:

У Маяковского:

Жирное пятно в пиджаке мира.
Баку.
Резервуар грязи,
но к тебе
я тянусь
любовью
более –
чем притягивает дервиша Тибет,
Мекка – правоверного,
Иерусалим –
христиан
на богомолье.

У Есенина:

«Смотри, – он говорит, –
Не лучше ли церквей
Вот эти вышки
Черных нефть-фонтанов.
Довольно с нас мистических туманов,
Воспой, поэт,
Что крепче и живей».

Обращает на себя внимание факт употребления обоими поэтами сравнительных конструкций (*более чем; не лучше ли*), в которых «большой правдой» – при том, что в обоих контекстах и в помине нет воинствующего атеизма! – обладают нефтяные реалии, приобретающие качество сакральности. Так неприглядный нефтяной город, описываемый перифразами с эпитетами брезгливости и отвращения (*жирное пятно в пиджаке мира, резервуар грязи*), и хтоническая цветовая (*черных*) и символическая (*фонтаны нефти* бьют из-под земли) атрибутика нефтедобычи сравниваются с топикой и атрибутикой религиозной. В стихотворении А. Жарова «Город нефти» (1930 г.) синкретизм религии и нефтедобычи, возведение нефтедобычи в ранг новой религии материализуются с помощью чередования омонимов: *Божьим промыслом благословенным / Нефтяные снятся / Промысла...*

В случае Маяковского теологическое сравнение приобретет черты интимно-личностного откровения за счет употребления коллокации *тянусь любовью* (вне контекста она однозначно прочитывается в интимно-лирическом значении) и развернутого перечисления номинаций последователей различных мировых религий и священных паломнических мест (*дервиш – Тибет, правоверные – Мекка, христиане – Иерусалим*). У Есенина же на первый план выступает волнующий его во время написания стихотворения вопрос о достойных темах преломления поэтического дара: о чем должен писать поэт – о *мистических туманах* или о *крепкой и живой правде жизни*, воплощением которой служит нефть и ее добыча (*В стихию промыслов нас посвящает Чагин*).

Контрастны у двух поэтов и разрешения смыслового посыла религиозно-нефтяных сравнений. Маяковский продолжает аллегорическую «псевдоблюбовную» линию в свойственной для него манере эротизации далеких от куртуазной тематики реалий действительности, приписывая неутолимую любовную жажду по отношению к нефтяному городу машинам (*По тебе / машинами вздыхают / миллиарды / поршней и колес. Поцелуют и опять / целуют, не стихая, / маслом, нефтью, / тихо / и вчасос*), цистернам (*...цепью сцепеневших тел / льнут / к Баку / покорно / даже змеи / извивающихся цистерн*).

Финал стихотворения, несмотря на исключительно частотную для образа нефти метафору кро-

воображения (ср. у Есенина в «Балладе о двадцати шести» (1924 г.): *Нефть – как черная кровь земли*), исполнен пророческой социальной правдой: *Если в будущее / крепко верится – / это оттого, что до краев / изливается / столицам в сердце / черная / бакинская / густая кровь*. Благополучное будущее столиц, метафорически отождествляемых с сердцем, основывается на постоянном притоке в них бакинской высшего качества (*черной и густой*) нефти.

Есенин же изображает аллегория иного рода – своеобразный синкретизм индустриального пантеизма и космогонической антропологии: *Я полон дум об индустриальной мощи, / Я слышу голос человеческих сил. / Довольно с нас / Небесных всех светил – / Нам на земле / Устроить это прощанье*. Нефтяной переворот заставляет поверить в сверхчеловеческие возможности земного жизнестроения, отсюда

мотивы богоборческого противостояния фундаментальным законам мироустройства, даже – *небесным светилам (...фонари прекрасней звезд в Баку)*.

Как видим, социальная парадигма осмысления темы нефти в бакинском тексте развивается в сторону тех или иных форм новой религиозности, будь то революционный или технический неопантеизм или богоборческое утверждение абсолютной человеческой воли. Во многом развитие данной линии эстетического и философского осмысления феномена нефти в отечественном поэтическом дискурсе как достояния русской лингвокультуры в целом обусловлена уникальными культурными и социально-историческими обстоятельствами – обстоятельствами на перекрестке культур, в которых формировался бакинский топос в первой половине XX в.

Список литературы

1. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.
3. Деткова Н. Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 18 (156). С. 63–69.
4. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
5. Осипова Н. В. Вятский провинциальный текст в культурном контексте // Биноколь. 2002. № 16. URL: <http://binokl-vyatka.narod.ru/B16/osip.htm>
6. Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 48 с.
7. Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 1 (22). С. 109–114.
8. Люсий А. П. Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М.: Рус. импульс, 2007. 240 с.
9. Дайс Е., Сид И. Переизбыток писем на воде: Крым в истории русской литературы // Нева. 2011. № 3.
10. Гримберг Ф. Кавказский текст русской культуры // Континент. 2000. № 104.
11. Гаджиев А. Д. Баку в русской литературе // «Если ты Баку не видел...»: сб. стихотворений рус. поэтов XIX–XX столетий, посвящ. Баку. Баку, 2005. URL: <http://yazikilitra.narod.ru/qila.htm>
12. Фатуллаев Ш. С. Градостроительство Баку XIX – начала XX веков. Л.: Стройиздат, 1978. 216 с.
13. Султанов Ч. Нашествие. Кн. 1. Баку, 2004. 596 с.
14. Бакинский феномен // Лехаим. 2007. № 7. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/183/mamedov.htm>
15. Орлова О. В. Специфика реализации медиаконцепта нефть в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 1. С. 232–236.
16. Чагин П. И. Сергей Есенин в Баку // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 160–164.

Орлова О. В., доктор филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 12.12.2013.

O. V. Orlova

**RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE AT THE CROSSROADS OF CULTURES: "THE BAKU VERSE"
BY S. YESENIN AND V. MAYAKOVSKY IN THE FOCUS OF THE CONCEPT OIL**

The concept of the Baku text, phenomenon of Russian linguistic culture at the crossroads of cultures, created by esthetic judgment of the image of oil is described in the article. It is proved on the material of "The Baku verses" by S. Yesenin and V. Mayakovsky that the social paradigm of the embodiment of concept oil in the Baku text develops towards these or those forms of the new religiousness and the statement of the absolute human will. The development of this line of interpretation of the concept in Russian poetic discourse is caused as a whole by unique social and historical circumstances in which Baku cultural topos was formed in the first half of the 20th century.

Key words: *Russian linguistic culture at the crossroads of cultures, Baku text, concept oil.*

References

1. Toporov V. N. Petersburg and "The Petersburg text of the Russian literature" (Introduction in a subject). *Myth. Ritual. Symbol. Image: Researches in the field of myth poetic: Favourites*. Moscow, Progress – Kultura Publ., 1995, pp. 259–367 (in Russian).
2. Lotman Y. M. *In the conceiving worlds*. Moscow, Yaziki russ. kultury Publ., 1996. 464 p. (in Russian).
3. Detkova N. Y. Small country town as culture text. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2009, no. 18 (156), pp. 63–69 (in Russian).
4. Abashev V. V. *Perm as text. Perm in the Russian culture and XX century literature*. Perm, Izdat-vo Perm Universiteta Publ., 2000. 404 p. (in Russian).
5. Osipova N. V. Vyatsky provincial text in a cultural context. *Binocular*, 2002, no. 16. URL: <http://binokl-vyatka.narod.ru/B16/osip.htm> (Accessed 15 November 2013) (in Russian).
6. Anisimov K. V. *The poetic problems of Siberian literature in XIX – the beginning of the XX centuries: Features of formation and development of regional literary tradition*. Abstract of thesis cand. philol. sci. Tomsk, 2005. 48 p. (in Russian).
7. Yakushenkov S. N., Yakushenkova O. S. American frontier and the Russian analogs in the Volga region and on the Bottom Volga. *Caspian region: policy, economy, culture*, 2010, no. 1 (22), pp. 109–114 (in Russian).
8. Lyusy A.P. *The Crimea heritage: geosofiya, textualism, identity*. Moscow, Rus. Impuls Publ., 2007. 240 p. (in Russian).
9. Dyce E., Cyd I. Overflow of letters on water: The Crimea in the history of the Russian literature. *Neva*, 2011, no. 3 (in Russian).
10. Grimberg F. Kavkaz text of the Russian culture. *Continent*, 2000, no. 104 (in Russian).
11. Gadzhiev A. D. Baku City in the Russian literature. "If you didn't see Baku...": Poems of Russian poets of the XIX–XX centuries, dedicated to Baku. Baku, 2005. URL: <http://lyazikilitra.narod.ru/qila.htm> (Accessed 15 November 2013) (in Russian).
12. Fatullayev Sh. S. *Baku construction in XIX – the beginning of the XX centuries*. Leningrad, Stroyizdat Publ., 1978. 216 p. (in Russian).
13. Sultanov H. Invasion. Book 1. Baku, 2004. 596 p. (in Russian).
14. Baku phenomenon. *Lekhaim*, 2007, no. 7. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/183/mamedov.htm> (Accessed 15 November 2013) (in Russian).
15. Orlova O.V. Specificity of realization of media concept oil in a discourse of the small print press of the Tomsk region (on the newspaper example of the "Narymsky bulletin"). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 1, pp. 232–236 (in Russian).
16. Chagin P. I. Sergey Yesenin in Baku. S. A. *Yesenin in memoirs of contemporaries*: in 2 vols. Moscow, Khudozh. Literarura Publ., 1986, vol. 2, pp. 160–164 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634041.

E-mail: o.orlova13@yandex.ru